

Виловатых Анна Вячеславовна*, кандидат политических наук старший научный сотрудник Центра координации исследований РИСИ.

Фактор цифровых технологий в развитии протестных движений

В последние годы расширяются масштабы применения цифровых технологий в политических и военных целях, что вносит дисбаланс в шаблонные схемы социальной и политической динамики. Можно предположить, что такая практика является производной от форсированных процессов трансформации системы международных отношений, ознаменованных в том числе соперничеством государственных и негосударственных политических акторов за технологическое лидерство в деле создания и апробирования инновационных средств и методов информационной борьбы.

Данный тезис подтверждается рядом примеров современной политической действительности. Так, состоявшаяся с использованием цифровых технологий дестабилизация социально-политической обстановки на пространстве Содружества Независимых Государств в первом десятилетии 2000-х гг. во многих странах привела не только к смене властных элит, но и к серьёзным военно-политическим последствиям. Вспыхнувшее во Франции в конце 2018 г. движение "жёлтых жилетов", первоначально возникшее как протест против налога на топливо, постепенно раздробилось на группы с самыми разнообразными требованиями к власти и менее чем за год спровоцировало поляризацию французского общества. По мнению специалистов, этому способствовала ярко проявившаяся в этом движении хакерская и хактивистская активность¹. Целесообразно отметить и негативную роль крупных террористических группировок с геополитическими амбициями на Ближнем и Среднем Востоке, существенно затрудняющих в последнее пятилетие процесс мирного урегулирования в регионе.

Можно предположить, что в условиях становления новой социально-политической реальности, ознаменованной появлением многочисленных средств коммуникации, интенсивность вовлечения нелегитимных субъектов в механизм геополитического противоборства будет усиливаться, что, скорее всего, существенно повысит уровень рисков безопасности государства. Наряду с применением потенциала цифровых технологий для манипулирования массовым сознанием представляется целесообразным ставить вопрос о новом качестве протекания современных социальных движений. Ограниченный взгляд на данную проблему, игнорирующий инновационные трансформации на микроуровне, вряд ли позволит оценить перспективы

* VilkaVulkan@yandex.ru

¹ См: *Розачёв С.В., Виловатых А.В.* Социальные движения в эпоху постправды // Проблемы национальной стратегии. 2020. № 1 (58). С. 90–104.

утверждения новой реальности, потенциальные масштабы её распространения и, соответственно, своевременно предложить альтернативные решения государственного развития в отдельных отраслях².

К истории возникновения социальных движений

Впервые термин "социальное движение" был использован в 1850 г. немецким философом-гегельянцем Лоренцем фон Штейном в исследовании "История социального движения Франции с 1789 года". В этом труде автор рассматривает государство в качестве единственного гаранта социальной справедливости, возвышающегося "над всеми остальными общественными институтами и интересами"³. При этом участие народа в "образовании государственной воли", по Л. фон Штейну, это "не народное представительство, а максимальный учёт интересов, пожеланий, самого духа народа при выработке и проведении государственной политики. Только такое участие народа не будет подрывать самостоятельность государственной власти"⁴.

Между тем противоречащее общепринятым социальным и политическим нормам либо незаконное поведение нередко проявляется именно в форме неповиновения государственным структурам. Население склонно к такой деятельности в случаях, когда не работают институциональные каналы выражения общественных интересов или традиционные способы участия оказываются неэффективными⁵.

Протестные настроения – как открытое проявление кризиса в коммуникации части истеблишмента и народа – в основном связаны с недоверием к успеху государственных преобразований или, напротив, с отсутствием таковых, с застойными явлениями в экономике и политике. Протестный потенциал социума сопровождается негативными ожиданиями, которые ещё более усиливают отрицательное отношение отдельных групп населения к властным элитам⁶.

Протестным движениям не свойственна высокая степень институционализации – для их возникновения достаточно утверждения в массовом сознании важности активного отстаивания какой-либо общественной проблемы. Соответственно, современные социальные движения и связанные с ними девиации целесообразно рассматривать как массовые коллективные действия одной или нескольких групп людей, связанные с обеспечением групповых или общественных интересов, потребностей (как материальных, так и духовных) и направленные на социальные изменения или сопротивление им в конфликтном противодействии с другими группами населения⁷.

² См. подробнее: *Миловидов В.Д.* Услышать шум волны: Что мешает предвидеть инновации? // Форсайт. 2018. № 1. С. 88–97.

³ *Штейн Л. фон.* История социального движения Франции с 1789 г. СПб.: Тип. А.М. Котомина, 1872. С. 94.

⁴ Там же. С. 280.

⁵ *Tilly Ch.* Social Movements, 1768–2004. Boulder: Paradigm Publishers, 2004. 262 p.

⁶ *Гидденс Э.* Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 203.

⁷ См. подробнее: *Рязанцев С.В.* Демографические последствия социальных девиаций российской молодежи // Вестник РАН. 2019. № 3. С. 221–231.

Социальные движения в условиях становления цифровой среды

В настоящее время возникновение социальных движений всё чаще происходит в глобальной информационно-коммуникационной сети Интернет. Этим трендом существенно обеспокоены в ряде государств мира, в том числе в Соединённых Штатах Америки. Например, по словам представителей Государственного департамента США, популярность информационных сообщений в сети "Фейсбук" (*Facebook*), определяемых программными алгоритмами её работы, не вполне отвечает задачам внешнеполитической пропаганды. Кроме того, в Вашингтоне указывают на недостаточную степень государственного контроля за работой отдельных социальных сетей, в результате чего американские ведомства не всегда могут эффективно влиять на общественное мнение по тем или иным вопросам государственной важности. С учётом сказанного в 2018 г. Госдепартамент поставил вопрос о разработке мер по усилению контроля администрации США над широко известными социальными сетями как стратегически важным инструментом пропаганды и обеспечения национальной безопасности⁸.

Подобный подход вполне объясним, поскольку трансграничность социальных сетей облегчает распространение информации, которая может воздействовать на умонастроения населения практически в любой стране мира. При этом нивелируется тот факт, что в интернет-сервисах для общения люди нередко обмениваются информацией, не беспокоясь о проверке её достоверности. Указанный феномен целесообразно рассматривать в русле эффекта *информационных каскадов*, изначально сформулированного для описания поведения участников финансового рынка. Так, теория информационных каскадов, предложенная в 1992 г. зарубежными учёными С. Бикхчандани, Д. Хиршляйфером и И. Велчем, гласит: "Оптимальным поведением индивида после изучения действий своих предшественников является копирование их поведения без учёта информации, имеющейся в собственном распоряжении"⁹.

В условиях цифровой среды эффект информационных каскадов усиливается в ситуациях, когда люди, не обладая полной информацией о происходящих процессах, имеющих для них определённую значимость, пытаются принять решение, наблюдая за поведением других пользователей конкретного интернет-сервиса. Причём влияние, которое оказывают на них решения виртуального окружения, настолько велико, что оно превышает воздействие той информации, которая имеется в распоряжении самой личности. Информационные каскады во многом объясняют феномен так называемого стадного поведения в социальных сетях и других коммуникационных ресурсах интернета, и в этом контексте примечательно высказывание социального философа Эрика Хоффера: "Если людям предоставить

⁸ Testimony of Christopher M.E. Painter, Coordinator for Cyber Issues // US Congress. 2019. URL: https://www.foreign.senate.gov/imo/media/doc/051415_Painter_Testimony.pdf (дата обращения: 13.01.2020).

⁹ *Bikhchandani S., Hirshleifer D., Welch I.* A Theory of Fads, Fashion, Custom, and Cultural Change as Informational Cascades // *Journal of Political Economy*. 1992. Vol. 100. No. 5. P. 992–1026.

возможность делать то, что им нравится, они, как правило, начинают имитировать действия друг друга"¹⁰.

В настоящее время налицо тренд лавинообразного распространения информации в виртуальных сообществах. Соответственно, типичные аспекты массового поведения пользователей конкретной социальной сети имеют вполне определённые особенности. Это сопровождается тем, что информация, быстро передаваясь в интернет-пространстве, нередко бывает лживой. Подобные явления могут не только изменить индивидуальную систему убеждений пользователей интернета, но и исказить картину общественного мнения в целом, чему способствует то обстоятельство, что в виртуальной реальности (в частности, социальных сетях) человек окружает себя участниками интернет-сообществ, придерживающихся позиции, аналогичной его собственной.

Эта специфика обусловлена так называемой предвзятостью подтверждения личности (*confirmation bias*), что было экспериментально выявлено ещё в ходе исследований 1960-х гг. Склонность человека к подтверждению высказанной им точки зрения влияет на излишнюю уверенность в суждениях и может поддерживать и даже усиливать убеждения при получении доказательств обратного. Данный феномен проявляется сильнее в отношении глубоко укоренившихся убеждений личности. Примечательно, что это когнитивное искажение находит отражение в том числе в решениях, принимаемых в рациональных внешнеполитической и экономической сферах.

Работы современных учёных подтверждают и углубляют выводы, предложенные пионерами исследований указанных процессов. В частности, в монографии российского экономиста В. Д. Миловидова "Симметрия заблуждений: факторы неопределённости финансового рынка в условиях технологической революции" на примере большого массива сведённых воедино наработок в области социологии и психологии продемонстрировано, что даже в ситуации сложной дилеммы люди склонны фокусировать внимание только на одной возможности выбора и игнорировать альтернативные, что подталкивает их трактовать неоднозначные свидетельства таким образом, чтобы поддерживалась прежде всего их точка зрения¹¹.

Можно согласиться с интерпретационной базой, предложенной учёным. Она обусловлена самой сущностью природы человека: его эмоциональностью, склонностью принимать желаемое за действительное, а также ограниченной способностью перерабатывать информацию. Следствием этого выступают предвзятый поиск, особенности процессов запоминания, специфика толкования и многие другие процессы подчинённого порядка, связанные с управлением информационными потоками.

Современные западные разработки по управлению общественным мнением

В условиях цифровой среды, когда пользователи интернета действуют во многом иррационально, большим потенциалом воздействия на массовое

¹⁰ *Hoffer E.* The Passionate State of Mind: And Other Aphorisms. N.Y.: Harper a. Row, 1955. 151 p.

¹¹ *Миловидов В.* Симметрия заблуждений: Факторы неопределённости финансового рынка в условиях технологической революции. М.: Магистр, 2019. 335 с.

сознание и управления общественным мнением обладают новейшие мультимедийные технологии, в основе которых лежит сочетание текстового, музыкального, графического и видеоформатов контента, т.е. взаимодополнение вербальных и невербальных каналов подачи информации¹². Благодаря таким технологиям созданы программы, призванные анализировать распространение мемов в социальных сетях. В качестве примера можно привести *Программный комплекс эпидемиологического моделирования эволюции сообщений в социальных сетях E-MEME*, базирующийся на концепции распространения сообщений в информационном пространстве по аналогии с эпидемиями вирусных болезней. Только в данном случае эти "информационные вирусы" поражают общественное сознание, провоцируя людей на определённые действия¹³.

По оценкам специалистов Управления перспективных исследовательских проектов Министерства обороны США, потенциал меметики можно расценивать не иначе как "революционный инструмент информационной войны, ведущейся на нейрокогнитивном уровне". Причём особый интерес, по мнению американских экспертов, представляют краткие мемы, поскольку они могут наиболее продуктивно использоваться в интернет-среде¹⁴.

Современная политическая практика свидетельствует о том, что в условиях, когда некоторые государства готовятся к "меметической войне" с потенциальным противником, научные разработки в области мем-технологий всё активнее используются как инструмент информационно-психологического воздействия в форме сфальсифицированного контента¹⁵. В частности, в последнее время усиливаются риски применения в политической и военной практике технологии *глубоких фейков (deep fakes)*, которая предполагает создание с помощью форм искусственного интеллекта, известных как глубокое обучение, несуществующего фото-, видео- и аудио-контента, практически не определяемого автоматическим методом.

В основе технологии глубоких фейков лежит работа так называемых генеративных состязательных сетей (*generative adversarial networks*), когда наборы алгоритмов – нейросети – учатся выводить правила и повторять схемы, обрабатывая большие массивы информации. В ходе такого процесса пары алгоритмов объединяются друг против друга, где один алгоритм (генератор) создаёт ложный контент на основе имеющейся базы данных, а другой алгоритм (дискриминатор) пытается его выявить. В условиях, когда каждый из алгоритмов постоянно тренируется противостоять другому, происходит постепенное совершенствование качества создаваемого

¹² Black C., Fielding-Smith A. Fake News and False Flags // The Bureau of Investigative Journalism. 2016. 2 October. URL: <http://labs.thebureauinvestigates.com/fake-news-and-false-flags/> (дата обращения: 13.01.2020).

¹³ Breeden J. Intell tool would track social media like a virus // GCN. 2013. 12 February. URL: https://gcn.com/articles/2013/02/12/intell-tool-track-social-media-like-a-virus.aspx?s=BIGDATA_130313&admgarea=TC_BigData (дата обращения: 13.01.2020).

¹⁴ Tutorial: Military Memetics // Robotic Technologies. 2011. 24–25 October. URL: <https://www.robotictechnologyinc.com/images/upload/file/Presentation%20Military%20Memetics%20Tutorial%2013%20Dec%2011.pdf> (дата обращения: 13.01.2020).

¹⁵ См. об этом: *Виловатых А.В.* Меметика как инструмент современного информационного противоборства // Проблемы национальной стратегии. 2018. № 5 (50). С. 141–154.

продукта, что в результате позволяет генеративным состязательным сетям производить продукт, весьма похожий на правду¹⁶.

Примечательно, что в Вашингтоне расценивают появление глубоких фейков в качестве долгосрочного вызова национальной безопасности. В частности, этот тезис зафиксирован в обзоре Счётной палаты США¹⁷, выпущенном в декабре 2018 г. В документе указывается, что новая технология может быть использована против Соединённых Штатов и их союзников посредством создания полноценных политически мотивированных новостных сюжетов, а также дискредитации и шантажа дипломатов и служащих других госструктур, имеющих доступ к секретной информации и находящихся за рубежом¹⁸. В сентябре 2019 г. под эгидой Счётной палаты был создан Центр стратегического прогнозирования (*Center for Strategic Foresight*), который объединил под руководством Джеймса-Кристиана Блоквуда девять экспертов для анализа двух тем, имеющих "принципиальное значение для будущей безопасности и благополучия страны: космической политики правительства и частного сектора США, а также перспектив применения глубоких фейков для манипулирования взаимодействиями людей онлайн и в реальном мире"¹⁹.

Аналитики близкого к американским правительственным структурам экспертного центра – Совета по международным отношениям (*Council on Foreign Relations*) – считают, что наибольшую опасность глубокие фейки представляют в период ухудшения межгосударственных отношений. В качестве примера они приводят фальшивый файл (фото, аудио или видео), преподнесённый как запись реальной беседы российского и американского президентов в Финляндии летом 2018 г. (Хельсинки). К другим сюжетам подобной остроты, по оценкам экспертов США, можно причислить глубокие фейки, изображающие израильского военнослужащего, совершающего преступление в отношении палестинского ребёнка, или лидера народа рохинджа, выступающего против законных сил безопасности в Мьянме²⁰.

В Вашингтоне также уделяют большое внимание возможности применения глубоких фейков в период политических кампаний и социально-политической нестабильности. В аналитической записке Исследовательской службы Конгресса США "Глубокие фейки и национальная безопасность", опубликованной 14 октября 2019 г., выражается опасение, что фальшивый контент может использоваться в целях радикализации населения,

¹⁶ См. подробнее: *Смирнов А.А.* "Глубокие фейки": Сущность и оценка потенциального влияния на национальную безопасность // Свободная мысль. 2019. № 5.

¹⁷ В США Счётная палата является ведущим аналитическо-следственным органом конгресса.

¹⁸ National Security: Long-Range Emerging Threats Facing the United States as Identified by Federal Agencies // U.S. Government Accountability Office. 2018. December. URL: <https://www.gao.gov/assets/700/695981.pdf> (дата обращения: 23.12.2019).

¹⁹ Deep Space & Deep Fakes: New "Center for Strategic Foresight" Launched // U.S. Government Accountability Office. 2019. URL: <https://www.gao.gov/about/press-center/press-releases/center-for-strategic-foresight.htm> (дата обращения: 23.12.2019).

²⁰ Disinformation on Steroids // Council on Foreign Relations. 2018. 16 October. URL: https://www.cfr.org/report/deep-fake-disinformation-steroids?utm_medium=email&utm_source=twtw&utm_content=101918&sp_mid=57597773&sp_rid=ZXZyYXppYUBnbWFpbC5jb20S1 (дата обращения: 23.12.2019).

вербовки террористов или подстрекательства к насилию с учётом национального контекста. Кроме того, данные технологии якобы могут усилить инструментарий противников США в реализации ими операций влияния в ходе текущей предвыборной борьбы за пост главы государства²¹. При этом от общественности замалчивается тот факт, что первое "ознакомительное" распространение глубоких фейков состоялось именно на территории Америки и там же в упреждающем порядке началось создание механизмов по противодействию данной технологии²².

В свете появления угрозы нового типа Соединённые Штаты совершенствуют законодательную базу. Так, распространение в конце мая 2019 г. американскими СМИ фальшивого видео с главой палаты представителей Нэнси Пелоси стало поводом к внесению в конгресс нормативно-правового акта по борьбе с распространением дезинформации посредством введения ограничений на технологии подделки видео с помощью глубоких фейков. Вскоре США приняли другой закон, который обязует Министерство внутренней безопасности (*Department of Homeland Security*) ежегодно публиковать обзор, посвящённый возможному негативному влиянию технологии глубоких фейков на национальную безопасность Америки.

Одновременно американцы изучают нормативно-правовую базу других государств по противодействию вызовам и угрозам, которые обусловлены процессами цифровизации. В докладе, выполненном в апреле 2019 г. юристами Исследовательской службы Конгресса США, проанализированы меры 15 стран по противодействию фейковым новостям, в том числе и России²³. Эксперт по политике РФ в данной области А. Григорян даёт весьма высокую оценку нормотворческим усилиям нашей страны в сравнении с другими рассматриваемыми государствами. Из документа следует, что одним из наиболее эффективных способов по противодействию фейкам является создание специальных онлайн-структур, призванных практически мгновенно опровергать фейковые новости и предоставлять населению правдивую информацию. В настоящее время по такому примеру действуют британское подразделение *Rapid Response* ("Быстрый ответ") и китайская онлайн-платформа *Refuting Rumors* ("Опровержение слухов")²⁴.

Таким образом, создание и применение соответствующих технологий воздействия на массовое сознание в политической и военной практике позволяют субъектам управления вполне уверенно ставить перед обществом определённые цели, связанные с выражением коллективного недовольства, поддержки или сопротивления каким-либо социальным изменениям.

²¹ *Sayler K.M., Harris L.A.* Deep Fakes and National Security // Congressional Research Service – CRS. 2019. 14 October. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF11333> (дата обращения: 05.12.2019).

²² *Media Forensics (MediFor)* // DARPA. 2016. URL: <https://www.darpa.mil/program/media-forensics> (дата обращения: 23.12.2019).

²³ Помимо анализа российского подхода к противодействию фейковым новостям, американцы изучали соответствующие меры Аргентины, Бразилии, Канады, Японии, Китая, Малайзии, Египта, Кении, Никарагуа, Израиля, Франции, Германии, Швеции и Великобритании.

²⁴ *Initiatives to Counter Fake News in Selected Countries* // CRS. 2019. April. URL: <https://fas.org/irp/eprint/lloc-fake-news.pdf> (дата обращения: 23.12.2019).

Использование онлайн-инструментов в разжигании социального недовольства в Гонконге в 2019–2020 гг.

Как отмечают специалисты, именно цифровая среда стала оптимальным пространством для организации митингов в Сянгане, начавшихся летом 2019 г., а её онлайн-сервисы – инструментом для совершения массовых акций²⁵. Во многом это обусловлено тем обстоятельством, что 92 % жителей этого специального административного района КНР обращаются к интернету ежедневно и более 80 % населения причисляют себя к активным пользователям социальных медиа²⁶.

Между тем современные выступления гонконгцев свидетельствуют об использовании относительно новых средств информационно-психологического воздействия по сравнению с "революцией зонтиков" 2014 г. Тогда основными площадками протестующих были социальные сети "Фейсбук" и "Твиттер" (*Twitter*). В наиболее напряжённый период противостояния власти и оппозиции в "Твиттере" публиковалось 12 сообщений в секунду, а их общее число за время общественных акций достигло 1,3 млн²⁷.

В протестах 2019–2020 гг. координация среди митингующих гонконгцев происходила в мессенджерах. Социальные сети служили в основном в качестве невербальной поддержки, где широко применялся потенциал мемов и мультимедийных технологий (фото, видео, аудио) с целью оказать максимальное информационно-психологическое влияние на возможных участников протеста и подтолкнуть их к определённым действиям. Смена инструментов интернет-сервисов обусловлена тем, что соцсети не позволяют в полной мере сохранить анонимность, в то время как мессенджеры имеют функцию шифрования. Соответственно, пользователи мессенджеров прибегают к преимуществу, что их существенно труднее деанонимизировать без потери времени.

Митингующие в Гонконге активно взаимодействовали с так называемым экспертным сообществом Великобритании и США для получения надёжной поддержки своих действий. Коммуникация с представителями зарубежных государств велась в основном в социальных сетях, что обусловлено присутствием там "лидеров мнений" – журналистов, гражданских активистов, представителей НПО и пр. Этому способствовало то обстоятельство, что гонконгские социальные сети в полной мере доступны для местного населения (в отличие от материкового Китая). Примечательно,

²⁵ Дудаков М. "Цифровая" революция в Гонконге: Роль онлайн-инструментов в массовых протестах 2019 г. // Центр изучения новых коммуникаций. 2019. 19 сентября. URL: <https://zn.center/research/cifrova-revolucia-v-gonkonge-rol-onlajn-instrumentov-v-massovyh-protestah-2019> (дата обращения: 23.12.2019).

²⁶ Ritchie H. How many internet users does each country have? // Our World in Data. 2019. 22 January. URL: <https://ourworldindata.org/how-many-internet-users-does-each-country-have> (дата обращения: 13.12.2019).

²⁷ Chiu K., Lew L. From Facebook and Twitter to Telegram, WhatsApp and Signal: How protest technology has evolved since Occupy Central // South China Morning Post. 2019. 13 June. URL: <https://www.scmp.com/news/hong-kong/article/3014255/facebook-and-twitter-telegram-whatsapp-and-signal-how-protest> (дата обращения: 13.12.2019).

что фото-, видео- и аудиофайлы, подталкивающие к определённым действиям, сопровождалась субтитрами на английском языке²⁸.

С момента начала массовых акций летом 2019 г. взрывной прирост аудитории произошёл у мессенджера "Телеграм" (*Telegram*) – к настоящему времени он установлен у четверти населения Гонконга (около 1,7 млн чел.). В этом сервисе публиковались наиболее агрессивные призывы по отношению к официальному Пекину; раскрывались места и даты протестных действий, своеобразные зоны укрытия, где можно было спрятаться от правоохранительных органов и пр. В качестве крупных телеграм-каналов, которые велись от лица оппозиционеров, следует выделить: 1) Send back Chinese Army Channel – один из основных источников информации для протестующих; 2) People Press Conference Channel – канал правозащитников, выступающих против действий полиции; 3) Guardians of Hong Kong – материалы на английском языке о действиях оппозиции; 4) Hong Kong news updates – общая повестка о происходящем в городе; 5) HK Confirmed Sightings Channel – информация о местах скопления сотрудников правоохранительных органов²⁹.

Важно отметить и относительно новый инструмент мобилизации населения – передачу информации посредством сервисов Wi-Fi или Bluetooth, которые использовались при необходимости совершения единичного коллективного действия. Как отмечают западные эксперты, в ходе оппозиционных выступлений в Гонконге один из 20–25 человек в местах крупного скопления людей соглашался принять на телефон сообщение через функцию *AirDrop*. Нередко это было связано с выполнением требований китайских властей, чтобы воспрепятствовать обвинениям в адрес участников митингов в неподчинении³⁰.

Отдельной платформой для коммуникации протестующих в Гонконге явились форумы, ведущиеся непосредственно на китайском языке. К таковым, например, относится LIHKG. Регистрация на указанном интернет-портале предполагает наличие адреса электронной почты с доменным именем одного из гонконгских интернет-провайдеров или образовательных учреждений, что позволяет автоматически отсеивать подавляющую массу иностранцев (к ним гонконгцы причисляют в том числе жителей материкового Китая)³¹.

Таким образом, применение митингующими всевозможных цифровых инструментов для решения собственных задач демонстрирует высокую степень адаптивности социума к инновациям, появившимся сравнительно недавно, и одновременно – пониженную готовность к отражению подобных угроз со стороны государственных структур. И хотя пока китайское правительство удерживает контроль за патриотическим дискурсом внутри

²⁸ *Boehler P.* "Off-the-grid" messaging application FireChat continues to ride Occupy boost // South China Morning Post. 2014. 7 October. URL: <https://www.scmp.com/news/hong-kong/article/1611322/grid-messaging-application-firechat-continues-ride-occupy-boost> (дата обращения: 13.12.2019).

²⁹ *AirDrop requests are Gen Z's way of passing notes on Apple devices – as Hong Kong protesters show* // South China Morning Post. 2019. 12 July. URL: <https://www.scmp.com/lifestyle/gadgets/article/3018133/airdrop-requests-are-gen-zs-way-passing-notes-apple-devices-hong> (дата обращения: 23.12.2019).

³⁰ *Hong Kong: Ambulance Passes Through Sea of Protesters During Sunday's Massive Rally* // Spectee. 2019. August. URL: <https://spectee.com/detail/22065> (дата обращения: 23.08.2019).

³¹ LIHKG. URL: <https://lihkg.com/thread/1474430/page/1> (дата обращения: 23.12.2019).

страны, ситуация в специальном административном районе КНР демонстрирует широкие перспективы управления массовыми социальными движениями посредством современных интернет-сервисов.

В целом протесты в Гонконге свидетельствуют о том, что онлайн-инструменты (особенно мессенджеры и социальные сети) всё активнее задействуются государствами, их прокси-силами, а также другими негосударственными акторами мировой политики для достижения военно-политических целей. Такая политика реализуется в рамках подхода отдельных стран трансатлантического сообщества (прежде всего Соединённых Штатов), сущностью которого является неизбежное возникновение конфликтов в киберпространстве. Это свидетельствует об открывающейся перед политическим сообществом любой страны дихотомии "риск – возможность" в управлении массовыми социальными движениями.

* *
*

Видимо, в будущем как протестующие, так и властные элиты будут применять принципиально новый инструментарий для решения собственных задач, акцентируя усилия на ресурсах цифровой среды. Кроме того, по мере дальнейшей цифровизации социально-политического пространства, скорее всего, появятся новые возможности, равно как и риски, связанные с апробированием инновационных технологий в разжигании социальной активности³².

В случае отсутствия должного внимания государственных и международных структур к обозначенным явлениям можно ожидать дальнейшего наращивания нелинейности развития социально-политических процессов в отдельных регионах мира. В более отдалённой перспективе процессы трансформации мирового порядка могут приобрести существенно более скоротечный характер, несмотря на использование участниками мировой политики прежде всего невоенных методов противоборства.

Соответственно, совершенствование национальной системы информационного противоборства Российской Федерации уже сегодня требует как минимум оптимизации инструментария противодействия информационным операциям вероятного противника с учётом новых вызовов и угроз, связанных с переносом противостояния в киберсферу и расширением практики применения технологий искусственного интеллекта с целью вмешательства во внутривнутриполитические процессы стран-конкурентов.

Ключевые слова: *цифровые технологии – информационно-психологическое воздействие – социальные сети – общественное мнение – социальное движение – протесты в Гонконге – безопасность государства.*

Keywords: *digital technologies – brainwashing – social media – public opinion – social movement – the Hong Kong protest movement – national security.*

³² См. подробнее: Миловидов В.Д. Перформативная трампономика и финансовый рынок // Мир. экономика и междунар. отношения. 2020. № 2. С. 24–33.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Виловатых А.В.* Меметика как инструмент современного информационного противоборства // Проблемы национальной стратегии. 2018. № 5 (50). С. 141–154.
2. *Гидденс Э.* Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 703 с.
3. *Дудаков М.* "Цифровая" революция в Гонконге: Роль онлайн-инструментов в массовых протестах 2019 г. // Центр изучения новых коммуникаций. 2019. 19 сентября. URL: <https://zn.center/research/cifrova-revolucia-v-gonkonge-rol-onlajn-instrumentov-v-massovyh-protestah-2019> (дата обращения: 23.12.2019).
4. *Миловидов В.Д.* Перформативная трампономика и финансовый рынок // Мир. экономика и междунар. отношения. 2020. № 2.
5. *Миловидов В.* Симметрия заблуждений: Факторы неопределённости финансового рынка в условиях технологической революции. М.: Магистр, 2019. 335 с.
6. *Миловидов В.Д.* Услышать шум волны: Что мешает предвидеть инновации? // Форсайт. 2018. № 1. С. 88–97.
7. *Рогачёв С.В., Виловатых А.В.* Социальные движения в эпоху постправды // Проблемы национальной стратегии. 2020. № 1 (58). С. 90–104.
8. *Смирнов А.А.* "Глубокие фейки": сущность и оценка потенциального влияния на национальную безопасность // Свободная мысль. 2019. № 5.
9. *Штейн Л. фон.* История социального движения Франции с 1789 г. СПб.: Тип. А.М. Котомина, 1872.
10. AirDrop requests are Gen Z's way of passing notes on Apple devices – as Hong Kong protesters show // South China Morning Post. 2019. 12 July. URL: <https://www.scmp.com/lifestyle/gadgets/article/3018133/airdrop-requests-are-gen-zs-way-passing-notes-apple-devices-hong> (дата обращения: 23.12.2019).
11. *Bikhchandani S., Hirshleifer D., Welch I.* A Theory of Fads, Fashion, Custom, and Cultural Change as Informational Cascades // Journal of Political Economy. 1992. Vol. 100. No. 5. P. 992–1026.
12. *Black C., Fielding-Smith A.* Fake News and False Flags // The Bureau of Investigative Journalism. 2016. 2 October. URL: <http://labs.thebureauinvestigates.com/fake-news-and-false-flags/> (дата обращения: 13.01.2020).
13. *Boehler P.* "Off-the-grid" messaging application FireChat continues to ride Occupy boost // South China Morning Post. 2014. 7 October. URL: <https://www.scmp.com/news/hong-kong/article/1611322/grid-messaging-application-firechat-continues-ride-occupy-boost> (дата обращения: 13.12.2019).
14. *Breeden J.* Intell tool would track social media like a virus // GCN. 2013. 12 February. URL: https://gcn.com/articles/2013/02/12/intell-tool-track-social-media-like-a-virus.aspx?s=BIGDATA_130313&admgarea=TC_BigData (дата обращения: 13.01.2020).
15. *Chiu K., Lew L.* From Facebook and Twitter to Telegram, WhatsApp and Signal: How protest technology has evolved since Occupy Central // South China Morning Post. 2019. 13 June. URL: <https://www.scmp.com/news/hong-kong/article/3014255/facebook-and-twitter-telegram-whatsapp-and-signal-how-protest> (дата обращения: 13.12.2019).
16. Deep Space & Deep Fakes: New "Center for Strategic Foresight" Launched // U.S. Government Accountability Office. 2019. URL: <https://www.gao.gov/about/press-center/press-releases/center-for-strategic-foresight.htm> (дата обращения: 23.12.2019).
17. Disinformation on Steroids // Council on Foreign Relations. 2018. 16 October. URL: https://www.cfr.org/report/deep-fake-disinformation-steroids?utm_medium=email&utm_source=twtw&utm_content=101918&sp_mid=57597773&sp_rid=ZXZyYXppYUBnbWFpbC5jb20S1 (дата обращения: 23.12.2019).
18. *Hoffer E.* The Passionate State of Mind: And Other Aphorisms. N.Y.: Harper a. Row, 1955. 151 p.
19. Hong Kong: Ambulance Passes Through Sea of Protesters During Sunday's Massive Rally // Spectee. 2019. August. URL: <https://spectee.com/detail/22065> (дата обращения: 23.08.2019).

20. Initiatives to Counter Fake News in Selected Countries // Congressional Research Service – CRS. 2019. April. URL: <https://fas.org/irp/eprint/lloc-fake-news.pdf> (дата обращения: 23.12.2019).
21. LIHKG. URL: <https://lihkg.com/thread/1474430/page/1> (дата обращения: 23.12.2019).
22. Media Forensics (MediFor) // DARPA. 2016. URL: <https://www.darpa.mil/program/media-forensics> (дата обращения: 23.12.2019).
23. National Security: Long-Range Emerging Threats Facing the United States as Identified by Federal Agencies // U.S. Government Accountability Office. 2018. December. URL: <https://www.gao.gov/assets/700/695981.pdf> (дата обращения: 23.12.2019).
24. *Ritchie H.* How many internet users does each country have? // Our World in Data. 2019. 22 January. URL: <https://ourworldindata.org/how-many-internet-users-does-each-country-have> (дата обращения: 13.12.2019).
25. *Sayler K.M., Harris L.A.* Deep Fakes and National Security // Congressional Research Service – CRS. 2019. 14 October. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF11333> (дата обращения: 05.12.2019).
26. Testimony of Christopher M.E. Painter, Coordinator for Cyber Issues // US Congress. 2019. URL: https://www.foreign.senate.gov/imo/media/doc/051415_Painter_Testimony.pdf (дата обращения: 13.01.2020).
27. *Tilly Ch.* Social Movements, 1768–2004. Boulder: Paradigm Publishers, 2004. 262 p.
28. Tutorial: Military Memetics // Robotic Technologies. 2011. 24–25 October. URL: <https://www.robotictechnologyinc.com/images/upload/file/Presentation%20Military%20Memetics%20Tutorial%2013%20Dec%2011.pdf> (дата обращения: 13.01.2020).